

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея символическое значеніе¹.

Летитъ птица перната,
Безъ глазъ, безъ крылъ,
Сама свиститъ, сама бьетъ.

Въ описаніи свадьбы царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокією Лукьяновною Стрѣшневою въ 1626 г. встрѣчаемъ одну интересную подробность, касающуюся стрѣлы. На другой день послѣ вѣнчанья царь и царица появлялись передъ боярами, «и раскрывалъ государыню царицу бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, покровъ поднимавъ стрѣлою. А послѣ того пожаловалъ государь, велѣлъ видѣть свои царскіе и царицыны очи всѣмъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людямъ въ сѣнникѣ»². Буквально то же самое обстоятельство повторилось на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марією Ильиничною Милославскою въ 1648 году: и раскрывалъ государыню царицу бояринъ Борисъ Ивановичъ (Морозовъ), а покровъ поднималъ стрѣлою³. Въ Домостроѣ объ этомъ обрядѣ ничего не говорится.

Д. И. Языковъ, напечатавшій «Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ у Русскихъ», утверждалъ, что сѣнникъ внутри ободакивался запонами, а по четыремъ угламъ втыкались стрѣлы, а на стрѣлахъ по соболю соболей, или по одному соболю, какъ государь приказывалъ, да по колачу. Въ каждомъ углу ставилось по оловенику меда⁴.

¹ Докладъ, читанный въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія въ сентябрѣ 1917 г. Вскорѣ послѣ доклада Н. И. Веселовскій передалъ эту статью мнѣ для помѣщенія въ Запискахъ; и тогда и позже неоднократно Н. И., высказывалъ увѣренность, что не увидитъ въ печати этой своей «последней» работы, которою онъ очень дорожилъ. Предположенія Н. И. оправдались: онъ успѣлъ просмотрѣть и вернуть мнѣ корректуру только первыхъ четырехъ гранокъ, смерть помѣшала ему довести до конца эту работу. Статья печатается по сличенію съ червовой рукописью: переписанная самимъ Н. И. чисталъ рукопись и корректуралъ послѣднихъ пяти гранокъ затерялась въ квартирѣ покойнаго въ теченіе времени послѣ его кончины, до принятія его бумагъ подъ охрану Археологическаго Института. *И. Орбели.*

² Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа». СПб. 1849, кн. 6-я, стр. 82.

³ Тамъ же, стр. 94.

⁴ Библ. для Чтенія 1884, VI, отд. III, стр. 21.

Старинные свадебные обряды изложены и объяснены Н. П. Степановымъ въ его книгѣ «Народные праздники на святой Руси». Авторъ говоритъ: «Окручивая невѣсту, дѣвичью косу ея раздѣляли стрѣлою (*символъ любви*) Стрѣла, которою на другой день брака, когда просыпалась молодая, приподымали съ нея покровъ, въ свадебномъ обрядѣ служила знаменіемъ *плодородія* и вмѣстѣ съ тѣмъ была орудіемъ, *освящающимъ брачный союзъ*»¹. Г. Степановъ не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу своихъ толкованій, и насколько эти толкованія имѣютъ значеніе, мы увидимъ дальше.

Въ такихъ обрядахъ, каковы свадебные, ничего не можетъ быть случайнаго, и всякая мелочь непременно имѣетъ опредѣленный смыслъ. Доискаться этого смысла не всегда легко и не всегда удается, потому что древній бытъ и древнія религіозныя воззрѣнія народа намъ во всей полнотѣ невѣстны. Я поставилъ себѣ задачей изслѣдовать значеніе стрѣлы въ обрядахъ, при чемъ оговариваюсь, что не имѣю въ виду разсматривать въ полномъ объемѣ этотъ вопросъ, имѣющій на западѣ довольно обширную литературу, чтобы не загромождать основную мысль разными подробностями, такъ какъ держусь мнѣнія, что «много доказать — ничего не доказать». Кромѣ того всѣ приводимые въ иностранной литературѣ факты сводятся, какъ мнѣ кажется, къ одному основному принципу, который я надѣюсь установить за стрѣлою.

Въ нашей старинной литературѣ стрѣла описывается неоднократно. Богатыри Дюкъ Степановичъ и Михаилъ Казариновъ обладаютъ очень цѣннымъ оружіемъ, у нихъ: «Тугой лукъ разрывчетоу, а цена тому луку три тысячи, потому цена луку три тысячи, полосы были серебряны, а рога красна золота, а и титовочка была шелковая, а белова шолку шимаханскова, и колчанъ пошолъ съ каленныхъ стрелъ, а во колчане было за триста стрелъ, всякая стрела по десяти рублевъ»², и проч.

Но русская литература не даетъ никакихъ указаній на значеніе стрѣлы въ обрядахъ, для нашей цѣли надо обратиться на Востокъ, гдѣ стрѣла играетъ роль въ различныхъ обрядахъ и въ настоящее время.

У кочевыхъ народовъ Средней и Сѣверо-восточной Азіи стрѣла выдѣляется изъ числа другого оружія на первый планъ³. По мѣстнымъ легендамъ и сказкамъ герой прокладываетъ себѣ дорогу въ лѣсу пущенной

¹ «Народные праздники на Святой Руси». СПб. 1900, стр. 87—88.

² Сборникъ Кириши Данилова. СПб. 1901, стр. 11, 84—85.

³ При клятвахъ и на Востокѣ прибѣгали къ разному оружію, такъ какъ любое изъ нихъ одинаково могло поразить клятвоступника. Въ алтайскихъ сказкахъ люди, при заключеніи союза дружбы, «концецъ пики нюхали, лезвѣй меча лизали» (Н. Я. Никифоровъ, Аноескій Сборникъ, Записки зап.-сиб. отд. Р. Г. О., т. XXXVII, 1915, стр. 29, 39).

стрѣлой¹; стрѣлою онъ пробиваетъ скалу, преграждающую ему путь²; стрѣлою онъ разсѣкаетъ рѣку и переходитъ по обнажившемуся дну ея. Онъ стрѣляетъ въ звѣзды на небѣ и сшибаетъ ихъ³. Очевидно, стрѣла па Востока, по своимъ боевымъ свойствамъ, являлась оружіемъ исключительной техники и еще на нашихъ глазахъ не хотѣла склониться передъ пулей, удерживаясь въ китайскихъ войскахъ до самаго конца XIX столѣтія.

У восточныхъ народовъ стрѣлы имѣютъ наименованія. Въ монгольскомъ сказаніи о Чингизѣ ханѣ упоминаются стрѣлы съ именами *Анхуа* и *Койбуръ*⁴. Замѣчательно, что стрѣла кайбуръ извѣстна и въ настоящее время у алтайцевъ по свидѣтельству Г. Н. Потанина, сообщившаго, что ее знаютъ и крестьяне Иркутской губерніи⁵. Особенно богатый матеріалъ о стрѣлѣ даютъ народныя сказки. Одинъ богатырь, отправляясь на подвигъ, обратился къ своей матери съ вопросомъ: «Если спросятъ мое имя, что сказывать? Мать отвѣчала ему: «Твое имя Ерь-сару, твоя лошадь Еербей Ширбей, твоя стрѣла Джесь-тумана»⁶. У богатыря Гунынъ Настай Мекеле стрѣла по имени Галынъ Табыкъ, величиною съ небольшую степь, выстругана изъ дерева Цангысь, оперена перьями птицы Чакцагай-Куукюнъ; развилокъ у нея былъ съ сѣдло; всего въ кожанѣ было 30 такихъ стрѣлъ⁷.

Если къ богатырю приходитъ другой, незнакомый богатырь, то хозяинъ, желая узнать, пришелъ ли къ нему гость съ добрыми или дурными намѣреніями, предлагаетъ ему, въ видѣ испытанія, взаимно стрѣлять другъ другу въ грудь: у кого намѣренія чистыя, отъ того стрѣла отскочитъ, въ противномъ случаѣ убьетъ⁸. На этомъ же основаніи стрѣла разрѣшаетъ

¹ Аносскій Сборникъ, стр. 84.

² Очерки с. з. Монголіи, IV, стр. 585. Миддендорфъ, Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. (Якутскія сказанія). СПб. 1878, ч. II, стр. 812.

³ Г. П. Потанинъ, Ерке. Томскъ, 1916, стр. 3, 43.

⁴ Труды Пекинской духовной миссіи, т. IV, стр. 107.

⁵ Н. Я. Никифоровъ, Аносскій Сборникъ, стр. 88, 96, 105, 178, 285 и въ другихъ мѣстахъ. Про волшебную стрѣлу кайбуръ (кайбуръ-жебе) можно отмѣтить, что она не превосходила другія величиной; когда Канъ-Тади вынулъ свою стрѣлу кайбуръ, оказалось, что она на семь карышевъ (четвертей) короче стрѣлы богатыря Когъ-Айры (тамъ же, 178).

⁶ Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи. СПб. 1883, вып. IV, стр. 344. Джесь значитъ мѣда, тумана — слово неизвѣстное. Условно можно перевести: мѣдная Тумана. Замѣчу, что по Рашидъ эд-Дину, одинъ изъ предковъ Чингизъ хана назывался Тумена ханъ. (Тр. Вост. отд. Арх. Об., ч. XIII, стр. 22). Интересъ здѣсь заключается въ томъ, что составленіе сказки относится къ тому отдаленному времени, когда въ Сѣверо-восточной Азіи наконечники для стрѣлъ изготовлялись изъ мѣди.

⁷ Тамъ же, стр. 433—434.

⁸ Разныя монгольскія сказки тамъ же. Повидимому, это свойство стрѣлы было перенесено на ружье. Казакъ-киргизъ, цѣлуя дуло ружья въ удостовѣреніе своей клятвы, вѣрить, что пуля поразитъ клятвопреступника.

споръ противниковъ. Два соперника, претенденты на дочь Бурканъ Халамы, Ертене-мергенъ и Акъ-ханъ, должны были разрѣшить споръ о невѣстѣ. Ертене сказалъ: «я сяду на порогъ, ты стрѣлай въ меня; убьешь — жена твоя! Потомъ ты сядь; я убью — я возьму дочь Бурканъ Халамы». Съѣлъ Ертене-мергенъ на порогъ, выстрѣлилъ Акъ-ханъ, стрѣла ударилась объ Ертене-мергена и отлетѣла прочь. Съѣлъ Акъ-ханъ на порогъ; дунулъ на него Ертене, Акъ-ханъ ударился о каменный косякъ двери и умеръ¹.

Когда подвиги богатыря Ерь-сару оспаривали передъ ханомъ другіе богатыри, его соперники, Джегытасы, онъ сказалъ хану: «прикажи, чтобъ Джегытасы вмѣстѣ со мною выстрѣлили въ небо; кто не правъ, того стрѣла, обратно возвращаясь, убьетъ». Ханъ отдалъ приказъ, стали стрѣлять, выстрѣлилъ Ерь-сару, его стрѣла упала мимо; Джегытасы выстрѣлили и были убиты своими стрѣлами².

Приведу еще одинъ примѣръ изъ бурятскихъ сказокъ. Въ сказкѣ о Ханъ-гужирѣ конь бросилъ дядѣ Зотонъ-хара одну стрѣлу и сказалъ: «Стрѣлай въ меня! Если стрѣла попадетъ въ концы моихъ четырехъ копытъ, то ты свой; если не свой, то стрѣла воротится въ колчанъ»³. Стрѣла, по вѣрованію бурятъ, обладаетъ разумомъ, ей можно сдѣлать внушеніе и она исполнитъ порученное ей дѣло⁴.

Въ алтайскихъ сказкахъ упоминаются стрѣлы о девяти глазкахъ⁵.

Замѣтимъ еще, что герой стрѣляетъ только одинъ разъ и если сдѣлаетъ промахъ, то не повторяетъ попытки исправить ошибку, а случается—отрубаютъ большой палецъ правой руки, чтобы никогда уже больше не стрѣлять.

Чтобы выяснитъ роль стрѣлы въ обрядахъ, необходимо прослѣдить ея участіе въ главнѣйшіе моменты, съ человѣкомъ связанные, а именно: при рожденіи, во время свадьбы и на похоронахъ. Здѣсь главное мѣсто будетъ отведено бурятамъ, какъ наиболѣе изученному народу; а свѣдѣнія о другихъ народахъ послужатъ дополненіемъ къ основному изложенію.

I. По свидѣтельству Г. Н. Потанина, алтайцы, чтобы отогнать

¹ Тамъ же, стр. 424.

² Тамъ же, стр. 348.

³ Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя М. Н. Хангазовымъ и др. (Записки вост.-сиб. отдѣла Р. Г. О. по отд. Этнографіи, т. I, вып. 1. Иркутскъ, 1899, стр. 64).

⁴ Въ сказкѣ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, этотъ герой, получивши ударъ стрѣлой отъ невидимаго противника, «вытащилъ изъ серебрянаго колчана стрѣлу одонъ-хангай, наладивъ ея на лукъ и наговариваясь ей, чтобъ она преслѣдовала (стрѣлявшаго), куда бы онъ ни заходилъ и куда-бы онъ ни выходилъ и пускаетъ ее». Стрѣла полетѣла въ Жоргодой-мэргына и погналась за нимъ; онъ вырынулъ въ море и обратился въ семьдесятъ молекулъ (рыбокъ), стрѣла превратилась въ семь шукъ и проч. Совершивъ свое дѣло, стрѣла прилетѣла къ хозяйну и вошла въ колчанъ («Сказанія бурятъ, записанныя разными собирающими». Зап. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. I, вып. 2. Иркутскъ, 1890, стр. 10—11).

⁵ Аюсейскій Сборникъ, стр. 32.

дiавола, похищающаго младенцевъ, вѣшаютъ въ люльку плеть, стрѣлку и колючее растеніе¹. Употребленіе стрѣлы для насъ особенно важно, потому что цѣль, съ какою перечисленные предметы привѣшиваются къ люлькѣ или кладутся въ нее, вполнѣ опредѣленна. По наивному представленію шаманистовъ, злой духъ боится плети, и пережитки этого вѣрованія сохраняются и теперь у нѣкоторыхъ народовъ, давно принявшихъ мусульманство. Такъ, у киргизъ-казаковъ и въ наше время можно было наблюдать, какъ баксы, приглашенный къ мучающейся въ родахъ женщинѣ, бѣгаетъ съ плетью въ рукахъ вокругъ ложа больной, чтобы выгнать вселившагося въ нее злого духа и препятствующаго появленію ребенка на свѣтъ. Для наибольшаго успѣха, баксы ударяетъ плетью не только по постели, но и по самой роженицѣ². Иногда киргизъ-казачкѣ, ходящей взадъ и впередъ по юртѣ, держась за протянутую веревку, вѣшаютъ на шею плеть, чтобы отогнать албасту отъ роженицы³.

Колючее растеніе тоже страшно злымъ духамъ и потому служить хорошей защитой отъ нихъ. Если спрятаться въ кустъ шиповника, то злой духъ никакими силами не въ состояніи взять оттуда спрятавшагося: онъ и близко не подойдетъ къ такому страшному предмету. У монголовъ существуетъ много разсказовъ на этотъ счетъ⁴. Въ люльку кладутъ и другіе острые предметы, напр., ножикъ, ножницы. Особенно интересно примѣненіе большихъ овечьихъ ножницъ, ихъ помѣщаютъ въ люлькѣ тогда, когда берутъ оттуда ребенка и занимаютъ въ люлькѣ его мѣсто¹. Безъ этой предосторожности злой духъ овладѣетъ сперва помѣщеніемъ, а потомъ и ребенкомъ. Вмѣстѣ взятыя плеть, стрѣла и колючее растеніе должны усиливать дѣйствіе. Цѣль указанныхъ предосторожностей одна: отогнать злыхъ духовъ. Отсюда очевидно, что и стрѣлка принадлежитъ къ категоріи пред-

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 27.

² И. И. Ибрагимовъ, «Этнографическіе очерки Киргизскаго народа» (Русскій Туркестанъ, М. 1872, стр. 121—123).

³ «Киргизъ-кайсаки Большой, Средней и Малой орды» (Сибир. Вѣстн. 1820, ч. X, стр. 155).

⁴ Укажу на алтайскую сказку «Аргачи и Кучечи», въ которой курмбси (духи, населяющіе воздухъ и похищающіе души людей) несли въ царство Ерлика только что похищенную душу дочери Тасъ-хана. Къ нимъ присоединился Аргачи и дорогой спросилъ: «вы чего боитесь на этомъ свѣтѣ?» — Мы боимся тэгэнека (шиповника) и толово (боярышника); а ты чего боишься? — «О, я боюсь только масла въ пузыряхъ и связокъ курута». Улучивъ благоприятный моментъ, Аргачи вмѣстѣ съ похищенной душою бросился въ кустъ шиповника, откуда курмбси пробовали выгнать похитителя масломъ и сыромъ, которые Аргачи побѣдилъ съ удовольствіемъ. Въ концѣ концовъ курмбси отступились, и тогда Аргачи вернулъ душу дочери Тасъ-хана. «Алоскій Сборникъ», стр. 168, 235—236. См. также сказку «Сирота-парень» (Сказанія бурятъ, запис. разн. собирателями, стр. 59—60). Ибрагимовъ, стр. 123. Потанинъ, сказки Бамба Шнту и Дзулдуку (Очерки, IV, стр. 241—242) и Талынъ Хутылчи (тамъ же, стр. 243).

метовъ, устрашающихъ злыхъ духовъ. Запомнимъ это для усвоенія дѣйствительныхъ разсужденій и выводовъ. Въ оправданіе такой наивности злыхъ духовъ можно привести то соображеніе, что по понятію шаманистовъ злые духи во главѣ съ Ерликомъ, повелителемъ ада, не отличаются ни умственными способностями, ни сообразительностью и потому провести и обмануть ихъ совсѣмъ нетрудно. Въ алтайской сказкѣ Акъ-би конь учитъ Кудая (бога), какъ обмануть Ерлика и прибавляетъ: «Не очень-то большой разумокъ (у Ерлика); повѣрить»². Простоватый Ерликъ не можетъ справиться со смѣтливѣйшимъ богатыремъ, который въ сказкахъ одолеваетъ подземнаго бога и, распявъ его на четыре кола (или привязавъ руки и ноги къ четыремъ коламъ, вбитымъ въ землю), жестоко сѣчетъ его прутьями шиповника³.

Иногда къ люлькѣ привѣшиваютъ въ видѣ амулета небольшой колчанъ со стрѣлами (ог-ча), если младенецъ мальчикъ, а если дѣвочка, то — веретено (предметъ острый, колющій)⁴.

По наблюденіямъ Г. Н. Потанина, дюрбюты дѣлаютъ въ люлькѣ надъ головой ребенка войлочную стѣнку, поддерживаемую обручемъ; на ней вѣшается серебряный маленькій лукъ и три стрѣлы, что, по мнѣнію дюрбютовъ, содѣйствуетъ укрѣпленію физическихъ силъ ребенка⁵. Мнѣ кажется, что «мнѣшіе» дюрбюты въ данномъ случаѣ является прямымъ недоразумѣніемъ, потому что они не могутъ не знать подлинной цѣли, для которой подвѣшиваются къ люлькѣ лукъ и стрѣлы.

У киргизъ подъ изголовье младенца теперь кладутъ саблю и коранъ.

Можетъ быть и у насъ въ древности клали желѣзные предметы въ люльки младенцамъ для отогнанія нечистой силы. Когда морской царь обратился къ Садко съ вопросомъ, какъ на Руси:

Булатъ ли желѣзо дороже красна золота
Али красно золото дороже булатъ-желѣза?

Садко отвѣчалъ:

Дороже у насъ на Руси красно золото,
А булатъ-желѣзо катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ⁶.

¹ А. А. Кузнецовъ, «Жилница, одежда и пища мипусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ». Мипусинскіе и ачинскіе инородцы. Красноярскъ, 1898, стр. 130.

² Аноскинъ Сборникъ, стр. 145—146. См. также сказку Каяъ-Таджи, сынъ Акъ Бѣка, стр. 187—189, 192—194; сказку Аятынъ-Кучкашъ, стр. 231.

³ Тамъ же, стр. 145—146.

⁴ Кузнецовъ, стр. 130—131.

⁵ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. II, СПб. 1881, стр. 31.

⁶ Пѣсли, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Ч. I, М. 1861, стр. 366.

Въ этихъ словахъ, не вполне определенныхъ, Г. Н. Потанинъ положительно видитъ указаніе на обычай класть въ люльки стрѣлки¹; но для защиты младенцевъ отъ злыхъ духовъ съ тѣмъ же усѣхомъ служатъ ножъ, сабля, топоръ и пожницы. Поэтому осторожнѣе будетъ о стрѣлѣ здѣсь не говорить.

А. И. Ивановъ доставилъ мнѣ слѣдующую замѣтку, имѣющую для моей темы существенное значеніе:

«Уже въ обрядникѣ Ли-цзи — составленіе котораго относится къ доханьскому времени, отмѣчается обычай вывѣшиванія у дверей дома, гдѣ только что родился мальчикъ, лука изъ тутоваго дерева и 6 стрѣлъ изъ травы². Объясняется этотъ обычай тѣмъ, что 6 стрѣлъ символизировали якобы отношеніе мальчика къ небу, землѣ и четыремъ странамъ свѣта. Однако въ текстѣ не говорится о вывѣшиваніи, а сказано шэ — стрѣлять. На сѣверѣ Китая и стрѣляютъ, при рожденіи мальчика, изъ лука. Самый матеріалъ (тута для лука и артемизія для стрѣлъ), какъ дѣйствительное для отогнанія злыхъ духовъ средство, указываетъ и на значеніе самой стрѣлы».

Въ китайскомъ разъясненіи, явно искусственномъ, любопытно то, что сами китайцы утратили смыслъ стрѣлянн изъ лука при рожденіи мальчика. Между тѣмъ съ точки зрѣнія шаманства здѣсь все понятно, все ясно. Начать съ того, что стрѣляютъ въ воздухъ, конечно, въ злыхъ духовъ, только при рожденіи мальчика, а не дѣвочки. У многихъ восточныхъ народовъ рожденіе сына считается предпочтительнымъ передъ рожденіемъ дѣвочки, потому что сынъ будетъ продолжателемъ своего рода и не дастъ «очагу погаснуть», тогда какъ дочь уйдетъ въ другую семью и станетъ содѣйствовать продолженію чужого рода. На этомъ основаніи мальчика называютъ *керек бала*—нужное дитя, про дѣвочекъ же говорятъ *керек жок бала*—не-нужное дитя³. У киргизъ есть поговорка: «худая жена дѣвцу родить»⁴. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что дѣвочекъ не надо оберегать отъ злого начала. Ее также стараются защитить отъ невидимой силы только другими мѣрами, болѣе подходящими для дѣвочки, напр., веретеномъ, острый конецъ котораго соответствуетъ острію наконечника стрѣлы.

Не слѣдуетъ думать, что стрѣлянн въ воздухъ есть простая формальность; напротивъ, шаманистъ увѣренъ, что стрѣла исполнитъ свое назначеніе. Что стрѣлая въ воздухъ, можно задѣть злого духа, хотя и при извѣстныхъ условіяхъ, это мы знаемъ изъ повѣрій другихъ народовъ не

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 673.

² Ср. Нань-цзы чу шэнь и сань-ху-пынь-ши лю-шэ тянь-ди сы-фанъ.

³ Аноескій Сборникъ, стр. 6.

⁴ Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 821—822.

миновавшихъ въ древности шаманства. П. Демидовичъ сообщилъ намъ крайне интересный фактъ изъ вѣрованій бѣлоруссовъ. Когда поднимается вихрь, бѣлорусъ убѣжденъ, что это ѣдетъ «чортова вселье». Если въ это время бросить въ вихрь какое либо острое орудіе, то на немъ можно замѣтить кровь; это означаетъ, что брошенное орудіе попало въ чорта¹.

II. Свадебные обряды даютъ намъ самый обильный матеріалъ о стрѣлѣ. Литература по этому вопросу въ последнее время значительно обогатилась, благодаря трудамъ серьезныхъ наблюдателей и путешественниковъ по Средней и Сѣверо-восточной Азіи. Сдѣлаемъ выборку тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей темѣ.

На Востокѣ свадьба требуетъ разнообразныхъ и сложныхъ обрядностей, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ мѣры предосторожности противъ злыхъ духовъ, которые могутъ имѣть на свадьбѣ обильную и интересную для себя добычу и поэтому стремятся присоединиться къ пирующимъ. Съ нашей точки зрѣнія эти мѣры до крайности наивны; но не такъ смотрятъ на нихъ, даже теперь, азіатскіе народы. М. Н. Хангаловъ обнаружилъ слѣдующій фактъ: «Обыкновенно у Унгинскихъ бурятъ свадебный поѣздъ уѣзжаетъ къ жениху за одинъ или два дня раньше назначеннаго срока, или послѣ; это дѣлается для того, чтобы обмануть злыхъ и нечистыхъ духовъ, которые обманутые не ѣдутъ на свадьбу, а остаются въ ожиданіи назначеннаго срока»². И у насъ на Руси при свадебныхъ обрядахъ примѣнялись мѣры, чтобы обмануть злыхъ духовъ, старающихся вредить невѣстѣ. Съ этою цѣлью на ея голову надѣвали шапку жениха и дѣлали другія обрядовыя переодѣванія, чтобы ввести въ заблужденіе нечистую силу³. Очевидно, и наши предки считали злыхъ духовъ въ достаточной степени глупыми, какъ это отразилось въ шаманскихъ вѣрованіяхъ.

Обратимся къ бурятской свадьбѣ. У Хангалова читаемъ: «при выѣздѣ (когда невѣсту везутъ къ жениху) каждый старается выѣхать впередъ, ибо по мнѣнію бурятъ на заднюю телѣгу или на сани садятся нечистые и злые духи, которые тоже ѣдутъ на свадьбу; кто послѣ всѣхъ выѣдетъ, къ тому подсадутъ злые и нечистые духи, и съ нимъ или съ его конемъ по дорогѣ что нибудь случится»⁴.

¹ П. Демидовичъ, «Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ». Этногр. Обзор., 1896, № 1, стр. 101.

² «Свадебные обряды, обычаи, повѣрья и преданія у Бурятъ Унгинскаго инородческаго вѣдомства Балаганскаго округа» (Этногр. Обзор. 1898, № 1, стр. 51). Попытка г. Хангалова объяснить происхожденіе этого обычая не можетъ быть признана сколько нибудь удачной.

³ Е. Г. Кагаровъ, О значен. нѣкот. рус. свад. обрядовъ. Извѣстія Академіи Наукъ, 1917 г., № 9, стр. 649.

⁴ Свад. обряды, стр. 51—52.

Объ этомъ свадебномъ поѣздѣ Г. Н. Потанинъ сообщилъ много интереснаго. Невѣстина свита, приближаясь къ жилищу жениха, посылаетъ впередъ верховыхъ посланниковъ («туруши»); одинъ изъ нихъ держитъ стрѣлу съ желѣзнымъ наконечникомъ; на другомъ концѣ стрѣлы привязанъ кадыкъ (кусокъ бѣлой матеріи). Этотъ туруши, прискакавъ къ дому жениха, бросаетъ лошадь, не привязавъ къ столбу (другіе должны подобрать ее), вбѣгаетъ въ юрту, и не оглядываясь и ни съ кѣмъ не здороваясь, стремительно подходитъ къ западной тенге (подпоркѣ), которая находится между очагомъ и семейною кроватью, и втыкаетъ въ нее свою стрѣлу такъ, чтобы она была обращена хвостомъ своимъ на востокъ¹. Затѣмъ онъ садится на самое почетное мѣсто или гдѣ вздумается; если мѣсто занято, онъ грубо сталкиваетъ съ него сидящаго, хотя бы то былъ почтенный старикъ; если то молодой, то садится къ нему прямо на голову. Затѣмъ онъ здоровается со сватомъ; является угощеніе². Потанинъ ограничился фактическимъ изложеніемъ дѣла и никакихъ разъясненій этому обряду не далъ.

Подобное же описаніе находимъ у М. Н. Хангалова. Когда туруше подъѣдетъ къ дому родителей жениха, онъ соскакиваетъ съ коня, бросивъ поводья на сѣдло, не привязывая коня, и входитъ въ юрту, держа въ рукѣ стрѣлу, которую, входя въ юрту, втыкаетъ покрѣпче въ столбъ юрты (въ хойморъ тэнги, въ другіе же столбы юрты ея по обычаю втыкать пельзя), гдѣ она остается до окончанія свадьбы; если стрѣла худо воткнута, то ее не поправляютъ до тѣхъ поръ, пока стрѣла сама не упадетъ на полъ, и тогда снова ее втыкаютъ, но это считается худымъ признакомъ: новобрачные будутъ несчастливы, и кто-нибудь изъ нихъ умретъ. Стрѣла означаетъ душу человѣка: какъ отъ привезенной стрѣлы въ колчанѣ (хадак) прибавляется въ юртѣ стрѣла, такъ и неvěста должна умножить потомство мужа³. Эта мысль была высказана Хангаловымъ и въ другомъ мѣстѣ: когда неvěста вступала въ жилище мужа, она, въ числѣ обрядовъ, клала въ огонь нѣсколько полѣнъ, а лежавшія уже тамъ нѣсколько передвигала. По мнѣнію Хангалова, какъ отъ новыхъ полѣнъ увеличивается огонь, такъ и она должна увеличивать общество, въ которое вступаетъ⁴. Г. Хангаловъ не пояснилъ, самъ ли онъ додумался, что стрѣла означаетъ душу человѣка, или такое представленіе сложилось у народа? Во всякомъ случаѣ это толкованіе ошибочно, какъ будетъ выяснено дальше. Какъ наблюдатель, Хангаловъ едва ли имѣетъ соперниковъ сколько нибудь ему равносильныхъ; но

¹ Когда везутъ стрѣлу, ее затыкаютъ за поясъ.

² Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 31. См. также статью М. Т. Поротова «Къ антропологии бурятъ. Буряты-Азарцы». СПб. 1895, стр. 45—46.

³ Свадебные обряды, стр. 54.

⁴ М. Н. Хангаловъ, Зэгэгэ-оба (Изв. вост.-сиб. отд. Р. Г. О., т. XIX, № 3, стр. 14.

что касается толкований, то это самая слабая сторона въ его научной дѣятельности. Въ той же статьѣ Хаугалова находимъ дополнительное сообщеніе къ тому же обряду. «У бурятъ Бильширскаго инородческаго вѣдомства на свадьбу ѣдутъ тоже со стрѣлою; иногда втыкаютъ ножикъ на мѣсто стрѣлы; нѣкоторые буряты этотъ ножикъ берутъ, а когда у новобрачныхъ родится ребенокъ, тогда этимъ пожомъ отрѣзываютъ пупокъ»¹.

Особенно интересно описаніе свадьбы у бурятъ при отсутствіи жениха. Обычный свадебный обрядъ, совершаемый въ домѣ жениха, въ своей существенной части состоитъ въ слѣдующемъ: когда невѣсту выводятъ изъ юрты, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, и они, взявшись за руки, идутъ кругомъ юрты, причемъ женихъ идетъ съ правой стороны невѣсты. «Если жениха на свадьбѣ нѣтъ по какому нибудь случаю и свадьбу приходится дѣлать безъ него, что случается у бурятъ, тогда невѣста, идя подъ шалью (большую шаль несутъ надъ женихомъ и невѣстой посторонніе мужчины, поддерживая за четыре угла), въ правой рукѣ держитъ стрѣлу, которая замѣняетъ жениха; безъ стрѣлы совершать обрядъ нельзя, потому что на правой рукѣ невѣсты на мѣсто жениха пойдетъ духъ, за котораго невѣста выйдетъ замужъ, т. е. послѣ свадьбы она скоро должна помереть»². Что стрѣла можетъ замѣнять жениха, это толкованіе Хаугалова, для насъ нисколько не обязательное; не такъ легко разрѣшаются древніе обряды, смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени утратился.

[Стрѣла играетъ роль въ свадебныхъ обычаяхъ и тибетцевъ, но объясненія этой роли пока еще нѣтъ, есть только предположеніе, что стрѣла является пережиткомъ обычая умыканія невѣсты. Стрѣла, повидимому, дважды встрѣчается въ упомянутыхъ обрядахъ: 1) при прибытіи невѣсты въ юрту родныхъ жениха, невѣста сажается на войлокѣ у новой юрты, лицомъ къ лунѣ съ зерномъ и стрѣлою и 2) передъ выѣздомъ невѣсты ей втыкаютъ сзади въ платье стрѣлу, украшенную 5 драгоценными камнями и 5 лентами, пяти цвѣтовъ, такъ чтобы кончикъ стрѣлы касался головнаго убора]³.

Вернемся къ русской царской свадьбѣ. Когда государь и государыня вошли въ церковь для вѣнчанія, на государева аргамака сѣлъ конюшій бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ; а въ санѣ на государынино мѣсто сѣлъ окольничій князь Григорій Константиновичъ Волконскій. Послѣ вѣнчанія царь Михайлъ Федоровичъ съ новобрачною отправились изъ церкви въ грановитую палату, царь на аргамакѣ, царица въ саняхъ. А какъ царь и великій князь пріѣхалъ отъ церкви, ссѣлъ съ копы у лѣстницы, и

¹ Тамъ же, стр. 55.

² Тамъ же, стр. 66.

³ Ср. С. Ольденбургъ, Поппыя книги о Тибетѣ, II, ЖМНП, 1907, № 9, отд. 2, особенно стр. 253 и 263.

царица и великая княгиня вышла из саней, и царь и вел. кн. взявъ царицу за руку, шель съ нею тою же лѣстницею въ грановитую палату. . . . А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время какъ государь былъ въ сѣнникѣ, съ голымъ мечемъ, а на царицыно мѣсто въ сани сѣлъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ и отвезъ на конюшню. То же повторилось и на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича: «сѣлъ на аргамака конюшій бояринъ Иванъ Васильевичъ Морозовъ и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время, какъ государь былъ въ сѣнникѣ, и всю ночь съ голымъ мечемъ»¹. Остановлюсь на этой мелкой, повидимости, подробности: какъ только царица выходила изъ саней, ея мѣсто сейчасъ же занималъ бояринъ. Ради чего это дѣлалось? Миѣ кажется, что здѣсь повторенъ мотивъ, намъ уже извѣстный: когда младенца берутъ изъ люльки, туда кладутъ ножницы, безъ этой предосторожности злой духъ можетъ поселиться въ люлкѣ и причинить младенцу вредъ. Подобное же явленіе надо видѣть и здѣсь. Если сани, на которыхъ пріѣхала невѣста въ церковь, оставить пустыми, то въ нихъ водворится злой духъ и на обратномъ пути новобрачной во дворецъ причинить ей вредъ, испортить ее.

Тоже самое приходится сказать и относительно царскаго аргамака; его нельзя держать свободнымъ, потому что на него сядетъ злой духъ съ цѣлю воспользоваться женихомъ для своихъ злыхъ умысловъ на обратномъ пути; а опасность для жениха въ данномъ случаѣ, какъ сейчасъ увидимъ, была еще болѣе серьезная, чѣмъ для невѣсты.

Отъ кого оборонялъ конюшій бояринъ новобрачныхъ въ брачную ночь? Конечно, какъ показываетъ вся обстановка, не отъ людей, для этого охрана въ лицѣ одного боярина была бы слишкомъ ничтожной, а отъ другой, невидимой напасти². И на этотъ разъ Востокъ поможетъ намъ разобраться въ данномъ дѣлѣ.

Можно было бы ограничиться замѣчаніемъ, что бояринъ оберегаетъ новобрачныхъ отъ навожденій злой силы; но мы имѣемъ возможность ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Бѣда угрожаетъ исключительно жениху, а не невѣстѣ. По шаманской демонологіи, не вполнѣ до насъ дошедшей, есть существо опасное для жениха. Подробными свѣдѣніями объ этомъ существѣ мы обязаны В. А. Гордлевскому, который нашелъ ихъ въ суевѣріяхъ османскихъ турокъ³. Въ числѣ зловредныхъ духовъ (джинновъ), подстерегающихъ человѣка, турки признаютъ *Алз-карысы*, это—джиннъ жен-

¹ Сахаровъ, Сказанія, кн. VI, стр. 80, 81, 92.

² См. Е. Г. Кагаровъ, О знач. нѣкот. русскихъ свадебныхъ обр., стр. 647.

³ В. А. Гордлевскій, «Изъ османской демонологіи» (Этнографическое Обозрѣніе; Москва, 1914, № 1—2, стр. 23—28).

щина; у нея волосы спутанные и спускаются до пятъ, руки тоненькія, какъ пальцы, на нихъ всего два пальца. Она жадно глядитъ на роженицъ и жениховъ, къ роженицамъ она является подь видомъ бабки и, улучивъ удобный моментъ, похищаетъ сзади легкое. Къ женихамъ она подступаетъ подь видомъ матери или родственницы и старается похитить у нихъ печень, которая, слегка поджареная, составляетъ для Алъ-карысы самое любимое лакомство. Съ Алъ-карысы можно бороться и убѣречь отъ нея, какъ роженицу, такъ и жениха, для чего необходимо принять надлежащія мѣры. Алъ-карысы боятся иголки (колющее) и если около роженицы кладутъ иголку, то Алъ-карысы боятся уже подойти къ постели роженицы; а если смѣло продѣть иголку сзади въ полы Алъ-карысы, когда она пробирается за легкимъ, такъ она, будто зачарованная, останется въ домѣ и будетъ работать служанкою, а можетъ сдѣлаться женою хозяина. Однажды мужъ спросилъ такую жену: «Отчего это вы ѣдите печень роженицъ и жениховъ? . . . вы не знаете жалости. . . . ну какъ можно убивать жениха накануне свадебной ночи? Алъ-карысы отвѣтила: «разъ въ недѣлю всѣ мы, наши отцы, матери, родственники, собираемся въ одно мѣсто, гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Одинъ разводитъ огонь, а другіе разбредаются по городу. Кому удастся захватить окровавленную печень, — несутъ ее къ костру; тогда, чуть-чуть поджаривъ, мы ѣдимъ наполовину сырую печень и веселимся». Далѣе Алъ-карысы добавила: если взять угольевъ, на которыхъ жарилась печень, мелко истолочь ихъ и дать выпить человѣку, у котораго три-четыре часа тому назадъ была вынута печень, онъ опять оживетъ. Мужъ прослѣдилъ за своей женой, собралъ угольевъ и на обратномъ пути услышалъ въ одномъ домѣ материнскія причитанья надъ покойникомъ: «Ахъ, птенчикъ ты мой, такъ и не достигъ ты своего желанія, пришлось тебѣ умереть въ свадебную ночь!» Этотъ человѣкъ оживилъ покойника, вливъ ему въ ротъ раствора угольевъ, на которыхъ жарилась его же, покойника, печень.

Это сообщеніе представляетъ особенный интересъ. Не смотря на исламъ, у османскихъ турокъ сохранились обрывки древнихъ шаманскихъ вѣрованій, конечно, не въ первоначальной чистотѣ; по сущности совершенно ясна. Нельзя сомнѣваться, послѣ приведенныхъ свѣдѣній, что и у насъ нѣкогда была распространена въ народѣ вѣра въ существованіе злого духа, стремившагося причинить вредъ жениху въ брачную ночь, что этотъ злой духъ боялся остраго или колющаго предмета и бѣжалъ отъ него, что опасность ограничивалась одною только ночью и въ дальнѣйшей охранѣ не представлялось надобности. Если мы примѣнимъ эти объясненія къ описанію царской свадьбы, то тѣ обряды, которыхъ я коснулся здѣсь, полу-

чать надлежащій смыслъ и яркое освѣщеніе. Что подлинный смыслъ обнаженнаго меча въ нашихъ обрядахъ утратился, можно видѣть у Сахарова же въ главѣ: Нарядъ, какъ охранять домъ и все жилие у молодаго князя (стр. 109). «Да дать ясельничему булатной мечъ, чтобы съ тѣмъ мечемъ караулить клѣтъ, гдѣ будетъ опочивать князь съ княгиней, чтобы не учили какого лиха». Т. е. здѣсь имѣются въ виду лихіе люди, а не духи.

І. А. Орбели сообщилъ мнѣ, что у кавказскихъ армянъ и теперь сохраняется обычай, въ силу котораго, при возвращеніи новобрачныхъ изъ церкви, у дверей дома становится «крестный братъ» (*хачебайр* — лицо, держащее надъ брачующимися крестъ во время вѣнчанія) и держать *обнаженную* шашку горизонтально поперекъ двери; новобрачные должны пройти подъ этою шашкою и только они одни. При этомъ на порогѣ со стороны мужа кладется тарелка, которую онъ разбиваетъ ударомъ ноги. Мѣстами (напр., въ Делижанѣ, Казанскаго уѣзда) этотъ обрядъ совершается у входа въ храмъ, тогда тарелка отсутствуетъ. То же наблюдается и у грузинъ, по крайней мѣрѣ тифлискихъ. Шашка въ данномъ обрядѣ препятствуетъ злему духу прослѣдовать за новобрачными въ ихъ домъ, какъ это явствуетъ изъ всего предшествовавшаго изложенія; символическое значеніе разбиваемой тарелки понятно безъ поясненія.

Если бы потребовать развить тему о боязни злыхъ духовъ остраго оружія, то недостатка въ матеріалѣ не встрѣтится. Не желая загромождать статью подробностями, я всетаки приведу еще одинъ примѣръ. Казанскій татаринъ Каюмъ Насыровъ отмѣтилъ, что у мѣстныхъ татаръ существуетъ повѣрье, что джины боятся желѣза, а потому тѣ татары, которые въ это вѣрятъ, кладутъ подъ постель топоръ или какое либо другое орудіе¹. Помимо свойства желѣза, устрашающаго злого духа тѣмъ, что изъ металла можно приготовить оружіе, здѣсь придется обратить вниманіе не столько на металлъ, сколько на острый предметъ, изъ него сдѣланный. Злой духъ настолько боится остраго орудія или оружія, что не рискнетъ приблизиться къ такому опасному мѣсту, оставитъ молодыхъ въ покоѣ, а больше ничего и не требуетъ².

Доминиканецъ Вильгельмъ Рубрукъ, посѣтившій въ Монголіи ханшу Коту, видѣлъ тамъ слѣдующее колдовство: четыре меча, извлеченные изъ

¹ «Повѣрья и обряды Казанскихъ татаръ». (Зап. Р. Г. О. по отд. Этнографіи, т. VI, Спб. 1880, стр. 255).

² Почему бы эту идею объ острыхъ и колющихъ предметахъ не перенести и на нашъ *осиновый колъ*, который вбиваютъ въ могилу колдуновъ? И въ такомъ случаѣ обычай получился бы подходящее освѣщеніе. Подобное существуетъ и у бурятъ, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ. Были въ Балаганскомъ вѣдомствѣ случаи, когда при похоронахъ черной шаманки, возбудившей противъ себя ненависть народа, поступали слѣдующимъ образомъ: въ

ноженъ до половины, оберегали большую, одинъ у изголовья ложа ея, другой у подножия, а два другіе по одному съ обѣихъ сторонъ входа¹.

Итакъ, въ старинной русской свадьбѣ долго, до половины XVII ст., удерживались языческіе, т. е. шаманскіе обряды, имѣвшіе въ свое время надлежащій смыслъ. Соблюдались ли эти обряды сознательно или безсознательно, иначе говоря, по традиціи, для меня существеннаго значенія не имѣетъ. Какъ называлось у насъ вредное существо, которое угрожало жениху; какъ народъ представлялъ это существо въ своемъ воображеніи и какія придавалъ ему свойства, — это, повидимому, останется тайной; но идея, повторяя, должна быть общей съ турецкой идеей, воплощенной въ Алъ-карысы².

Не встрѣтилъ я такого духа и у бурятъ, у нихъ имѣется нѣчто иное, а именно Охинъ хара тэнгэри (Черная дѣвица), которая насылаетъ разныхъ болѣзни людямъ и скоту, особенно она поражаетъ женщинъ и мужчинъ безплодіемъ и насылаетъ всякія болѣзни половыхъ органовъ³.

І. А. Орбели сообщалъ мнѣ, что на свадьбѣ, на которой онъ присутствовалъ въ 1911 г. въ Мокшѣ, въ Ванскомъ вилайетѣ, передъ тѣмъ, какъ жениху отправиться въ церковь, послѣ освященія его платья, священникъ заперъ ключемъ небольшой (висячій) замочекъ, отдалъ его жениху, а ключъ сохранилъ у себя; присутствующіе объяснили, что это дѣлается для того, чтобы кто нибудь, питая злобу къ жениху, не «связалъ» его такимъ же, или инымъ, способомъ и тѣмъ самымъ не лишилъ бы его мужской силы: второй разъ уже связать нельзя, и священникъ такимъ образомъ предохраняетъ жениха отъ злой силы; по минованіи установленнаго срока, по «снятіи вѣнцовъ», священникъ вернетъ ключъ новобрачному и тѣмъ разрѣшитъ его.

гробъ изъ осины положили шаманку внизъ лицомъ; потомъ вырыли глубокую яму, въ которую опустили гробъ, осиновыми кольями пригвоздили шаманку къ землѣ, придавили осиною (дерево нечистое по понятію бурятъ) и засыпали землею. (М. Н. Хангаловъ, «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ». Зап. Вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. II, к. I, стр. 85—86).

¹ Русский переводъ А. І. Маленина, стр. 132.

Я намѣренно избѣгаю европейской ученой литературы по намѣченной темѣ, потому что мой методъ иной, вполне самостоятельный, не повѣянный ни чьимъ вліяніемъ, и мои положенія всѣ основаны на шаманскомъ культѣ. Но если бы я хотѣлъ въ томъ или иномъ случаѣ опереться на авторитетъ западныхъ ученыхъ, это не составило бы значительнаго труда. Такъ, для значенія обнаженнаго меча въ связи съ чародействомъ въ древнихъ классическихъ мифахъ, самъ собою напрашивается Комментарій Э. Нордена на Энеиду Виргилія (P. Vergilius Maro. Aeneis Buch VI, erklärt von Eduard Norden. Leipzig, 1903, S. 162, 201—202).

² Замѣчу, что тонкія руки Алъ-карысы не чужды и нашимъ мифологическимъ представленіямъ. Во Владимірской губерніи русскакамъ приписываютъ руки тощія и холодныя. Д. К. Зеленинъ, «Очерки русской мифологіи». Петрогр. 1916, стр. 183.

³ М. Н. Хангаловъ, «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ». Зап. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. II, вып. I, Иркутскъ, 1890, стр. 14.

Злые духи боятся также звона металла, потому что и страшныя для них острыя орудія звенятъ. Этимъ легко объясняется пришиваніе къ плащу шамана металлическихъ предметовъ, издающихъ сильный звонъ. Тамъ находятся мѣдныя колокольчики, желѣзныя изображенія звѣрей и птицъ и т. п., помѣщается и желѣзный лучокъ съ наложенною стрѣлкой; онъ имѣетъ цѣлью отпугивать отъ камлающаго шамана злыхъ духовъ¹.

III. При похоронныхъ обрядахъ стрѣла также примѣняется у народовъ сѣверо-восточной Азіи. Указаніе на это далъ Хангаловъ.

Когда покойника у сѣверныхъ бурятъ доставляли къ мѣсту сожженія, одну стрѣлу изъ колчана покойника выстрѣливали назадъ; при возвращеніи эту стрѣлу брали съ собой въ домъ. Этотъ обычай сохраняется до нынѣ у Кудинскихъ бурятъ при похоронахъ шамана².

На этотъ разъ Хангаловъ не далъ намъ никакихъ объясненій этому обряду; возможно, что и сами буряты утратили смыслъ его и совершаютъ его по традиціи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ переднемъ пути стрѣляютъ назадъ съ цѣлью отогнать злого духа, который, по примѣру свадьбы, слѣдуетъ за похоронной процессіей сзади. Что стрѣлу брали затѣмъ въ домъ, это вызывалось, конечно, шаманской демонологіей, но ближайшее значеніе стрѣлы въ послѣднемъ случаѣ неясно.

Разберемся въ собранномъ матеріалѣ. Мы видѣли, что присутствіе стрѣлы въ обрядахъ понималось и объяснялось различно. То она являлась *символомъ любви*, очевидно подъ влияніемъ греческаго Эроса, и отсюда выводили, что она *освящала* брачный союзъ; то ее считали *знаменіемъ плодородія*, на что не было уже никакихъ основаній. Въ шаманскихъ обрядахъ стрѣла замѣнялась ножомъ, а на сколько извѣстно, ножъ никакого отношенія къ любви не имѣетъ, поэтому и стрѣла у народовъ сѣв.-вост. Азіи никогда не служила символомъ любви. Какимъ образомъ стрѣла, въ свое время страшное оружіе, причинявшее людямъ смерть въ грозныхъ размѣрахъ, могла олицетворять любовь, мнѣ совершенно непонятно. Если бы стрѣла служила символомъ любви, то слѣдовало бы ожидать, что такой много знаменательный предметъ будетъ находиться въ рукахъ жениха, а между тѣмъ у жениха-то стрѣла никогда и не бываетъ; ею дѣйствуетъ обыкновенно дружка или кто-либо другой изъ свадебной свиты.

Это мы разсмотрѣли объясненія европейскихъ ученыхъ, перейдемъ къ азіатскимъ. Начнемъ съ толкованія, что стрѣла означаетъ *душу человека*. По шаманскимъ вѣрованіямъ духъ можетъ вселиться въ любой предметъ,

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 50.

² М. Н. Хангаловъ, «Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ» (Этногр. Обзор., 1891, № 3, стр. 164).

напримѣръ въ знамя, можетъ сдѣлаться оборотнемъ; но чтобы стрѣла облизалась, хотя бы символически, съ человѣческою душою, на это въ шаманствѣ нѣтъ не только указаній, но и никакихъ намековъ. Если стрѣла символизируетъ *увеличеніе* женою *потомства* мужа, то казалось бы, что полезвѣ воткнуть въ столбъ не одну стрѣлу, а нѣсколько, хотя бы сотню, вѣдь это ничего не стоить. Да и самый способъ дѣйствія туруши, характеризующійся стремительностью и какъ-бы угрозой, показываетъ, что здѣсь нѣчто иное, чѣмъ символика души. Къ тому же допускаемая замѣна стрѣлы ножомъ говорить не въ пользу Хангалова. Его же объясненіе, что стрѣла замѣняетъ отсутствующаго жениха, тоже не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Почему стрѣлѣ предоставлена такая честь, когда для замѣны отсутствующаго жениха можно прибѣгнуть къ болѣе наглядному и болѣе понятному способу? Напримѣръ, извѣстны случаи, когда вмѣсто настоящаго жениха съ неvěстой идетъ его замѣститель-мальчикъ. За то очень цѣнно сказанное мимоходомъ замѣчаніе, что безъ стрѣлы на мѣсто жениха поидетъ духъ; только Хангаловъ не пояснилъ намъ, въ чемъ тутъ дѣло, а между тѣмъ нѣтъ никакой трудности дать надлежащее толкованіе. Какъ у колыбели младенца стрѣла отгоняетъ злого духа, такъ и здѣсь она производитъ то же дѣйствіе. Такимъ образомъ мы подошли къ разрѣшенію вопроса во всемъ его объемѣ. Стрѣла, какъ острый, колющій предметъ, подобно иголкѣ, пожу, топору, саблѣ, мечу, копью, а также колючему растенію, наводитъ страхъ на злого духа. Въ этомъ единственно и заключается свойство стрѣлы и ея значеніе въ обрядахъ, ничего другого въ ней нѣтъ, ни человѣческой души, ни плодородія, ни тѣмъ болѣе любви, только одинъ страхъ. Какъ только человѣкъ попалъ на эту мысль, онъ легко и просто порѣшилъ съ мучившими его вопросами о происхожденіи болѣзней, о разныхъ напастьяхъ въ жизни и успокоился. Все это находилось въ прямой зависимости отъ шаманской демонологіи.

Какъ только мы свойство стрѣлы устрашать и отгонять злого духа примемъ за основаніе, то присутствіе ея въ обрядахъ сейчасъ же станетъ обязательнымъ, устранить всѣ другія произвольныя толкованія. Стрѣла отгоняетъ злого духа отъ колыбели младенца, это—понятно. Когда туруши втыкаютъ стрѣлу въ хойморъ тэнги, устанавливаемый между очагомъ и семейною кроватью, то дѣлается это съ цѣлью отогнать злого духа отъ новобрачныхъ въ первую ночь брака, т. е. съ простою практическою цѣлью, а вовсе не для символика души и не для умноженія потомства. Понятно намъ раздѣленіе косы у неvěсты стрѣлою. Нѣжныя и слабыя существа, неспособныя къ сопротивленію, какъ дѣти и молодыя женщины, нуждаются въ защитѣ отъ нечистой силы; положеніе неvěсты особенно опасно: злой

духъ старается причинить ей вредъ, «испортить», непрочъ даже похитить невѣсту. Раздѣленіе косы является однимъ изъ первыхъ приемовъ приготовления дѣвицы къ новой, супружеской жизни и потому теперь же необходимо закрыть злему духу подступъ къ невѣстѣ стрѣлою. Мотивъ все одинъ и тотъ же. Помимо того невѣстиной косѣ угрожаетъ какая-то опасность, которую надо устранить. Въ бурятскихъ сказаніяхъмышь отгрызаетъ женскую косу и уносить ее¹. На Востокѣ женщины привѣшиваютъ къ косамъ колокольчики и металлическіе предметы, быть можетъ не только ради украшенія, а и въ традиціяхъ охраны.

Стрѣлы св. Себастьяна въ западной Европѣ, на которыя мнѣ указалъ Б. Л. Богаевскій, и которыя изготовлялись во время эпидемическихъ болѣзней, имѣли, по моему мнѣнію тоже значеніе устрашенія, какое присуще имъ и въ восточной Азіи, только подъ христіанскимъ отгѣнкомъ. И европейцы думали такимъ средствомъ отогнать холеру, чуму и другія злыя силы.

Проф. Е. Г. Кагаровъ, въ своемъ изслѣдованіи «О значеніи нѣкоторыхъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ»², очень близко подошелъ къ рѣшенію вопроса о сущности предохранительныхъ мѣръ на свадьбѣ, и только осталось сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы дать надлежащее освѣщеніе тому или другому обряду. Въ самомъ дѣлѣ: почему стрѣльба, напримѣръ, имѣла апотропейскій, т. е. отвращающій характеръ, какъ это признаетъ цѣлый рядъ ученыхъ? Чтобы такое толкованіе не казалось произвольнымъ, слѣдовало выяснить, на чемъ оно основано. Отвращающій характеръ стрѣльбы не есть ея первоначальное свойство, а лишь дальнѣйшее его развитіе, вытекающее изъ того, что всякій острый, колющій, рѣжущій металлическій и даже деревянный предметъ страшень злымъ духамъ, которые не осмѣливаются къ нему приближаться. Отсюда вытекаетъ, какъ логическое слѣдствіе, то положеніе, что подобный *устрашающій* предметъ долженъ имѣть *отвращающее* значеніе, слѣдовательно, изслѣдователи, остановившись на второй стадіи, никакого произвола не совершили, только они не дошли до первой. Я не рѣшился бы назвать такіе обряды «религіозно-магическими»; подобные громкіе термины совѣмъ не къ лицу дѣтски наивнымъ вѣрованіямъ младенствующаго человѣчества. Не такъ просто обстоитъ дѣло съ обрядомъ раскрыванія стрѣлою покрывала новобрачной. Здѣсь намъ придется обратиться въ область суевѣрій о дурномъ глазѣ.

Вѣра въ дурной глазъ есть явленіе общераспространенное и сильно укоренившееся въ людяхъ съ глубокой древности вплоть до образованнаго

¹ Е. Г. Кагаровъ уже отмѣтилъ, что длинныя, развѣвающиеся волосы особенно доступны пагубному воздействию демоновъ. Стр. 649.

² Извѣстія Акад. Наукъ, 1917 г., № 9.

Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

общества нашихъ дней, и всегда, и вездѣ принимались, а равно принимаются и теперь разныя мѣры предосторожности противъ сглаза. Насколько дурной глазъ отравлялъ существованіе человѣка, можно видѣть изъ обширнаго труда Зелигманна, собравшаго поразительно богатый и разнообразный матеріалъ о дурномъ глазѣ. Авторъ — глазной врачъ въ Гамбургѣ заинтересовался данной темой съ исторической стороны и далъ этому явленію свои объясненія, которыя, по моему мнѣнію, не принадлежать къ числу пріемлемыхъ¹.

Б. В. Фармаковскій въ статьѣ «Живопись въ Пальмирѣ»² объяснилъ рисунокъ, изображающій глазъ, на который устремлены острые орудія (мечъ, гвозди), а также хищныя животныя, птицы (пѣтухъ) и гады (змѣя, тарантулъ и два скорпіона)³. Такой рисунокъ имѣлъ значеніе амулета противъ колдовства и дурного глаза, гибельныя влиянія котораго устраняются окружающими глазъ изображеніями. На мусульманскомъ востокѣ боязнь сглаза, который извѣстенъ тамъ подъ арабскимъ названіемъ *назаръ* نظر, что значить *озяда* и *дурной глазъ*⁴, развита до болѣзненности и вызвала разнообразную систему амулетовъ. Тамъ туземцы объясняютъ пользу амулетовъ тѣмъ, что человѣкъ, обладающій дурнымъ глазомъ, сперва взглянетъ на амулетъ, отразитъ на немъ свою злую силу, а потомъ посмотритъ на самое существо уже обезвреженнымъ окомъ⁵. Такое объясненіе не можетъ быть приято потому, что нѣкоторые амулеты отъ сглаза зашиваются въ одежду и не могутъ быть видимы посторонними людьми⁶.

Лицо нечѣсты до извѣстнаго момента скрыто отъ присутствующихъ покрываломъ и когда настаетъ время раскрыть покрывало, всѣ взоры присутствующихъ, а можетъ быть и злой силы, устремятся на новобрачную. Тутъ-то и грозитъ ей бѣда отъ сглаза; однако, стрѣла принесетъ пользу, устрашая все вредное для женщины. Конечно, стрѣла направлена не противъ молодой, а въ защиту женщины, чтобы на пути къ ней отразить злое начало во взглядахъ⁷.

¹ Der böse Blick und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens aller Zeiten und Völker. Von Dr. S. Seligmann. 2 B. Berlin, 1910.

² Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, VIII, Софін, 1903.

³ Подобный рисунокъ помѣщенъ у Зелигманна на обложкѣ и въ текстѣ (II, 117).

⁴ Это слово *назаръ* извѣстно и у насъ въ южной Россіи, и напрасно проф. Н. О. Сумцовъ производить его отъ славянскаго глагола *назирать*, откуда — *назоръ*. («Культурныя переживанія», К. 1890, стр. 233).

⁵ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 131.

⁶ Записки Одесск. общ. Ист. и Др., т. XXV (1904), смѣсь, стр. 17.

⁷ И ребенка оберегаютъ отъ сглаза. Когда у бурятской женщины родится ребенокъ, она долго не показывается никому на глаза, и въ юрту, гдѣ находится она съ новорожденнымъ, не допускается никто изъ постороннихъ, въ особенности женщины. Полгода послѣ

Профессору А. А. Дмитриевскому посчастливилось въ Малороссіи оѣзнакомиться съ рукописью, въ которой между прочими «чинями» помѣщенъ «чинъ скрыванія новобрачныхъ», совершаемый въ Малороссіи и въ настоящее время. Сущность обряда, какъ видно изъ статьи г. Дмитриевскаго, заключается въ томъ, что на другой день послѣ вѣнчанія новобрачныхъ ведутъ въ церковь, гдѣ священникъ, во время особаго богослуженія, надѣваетъ на новобрачную покрывало изъ полотна или кисей. Женихъ въ этомъ обрядѣ самостоятельной роли не играетъ¹. Послѣ того въ домѣ новобрачныхъ исполняется обрядъ «разстрѣливанія новобрачной», этотъ обрядъ не помѣщенъ въ «чинѣ» и передавъ мнѣ профессоромъ Дмитриевскимъ устно по личнымъ наблюденіямъ въ Черниговской губерніи. Новобрачную, скрытую покрываломъ, сажаютъ на почетное мѣсто, въ уголъ, и мальчикъ, родственникъ ея, бросаетъ одинъ за другимъ нѣсколько камешковъ въ стѣну вокругъ головы молодой и затѣмъ раскрываетъ покрывало *заостренной* палкой, очевидно, за неимѣніемъ въ настоящее время стрѣлы.

По замѣчанію Г. Н. Потанина, нашъ народъ убѣжденъ, что свадьбы подвержены большимъ приключеніямъ, и дружка долженъ уметь отвращать эти несчастія; каковы бываютъ «приключенія», можно увидѣть въ статьѣ этого автора².

По тѣмъ же соображеніямъ стараются отогнать злого духа отъ покойника и отъ участниковъ похоронной процессіи, такъ какъ на похоронахъ злымъ духамъ предстоитъ поживиться богатой добычей. Однимъ словомъ, шаманистъ былъ постоянно озабоченъ борьбой съ невидимымъ, но враждебнымъ ему міромъ, чтобы предупредительными мѣрами избѣжать катастрофы въ видѣ болѣзни или преждевременной смерти.

Надѣюсь, изъ всего изложеннаго будетъ понятно, почему стрѣлу иногда замѣняютъ ножомъ или саблею³. Если колючее растеніе, какъ шиповникъ, гонитъ прочь злого духа, то ножъ своимъ острымъ лезвіемъ еще болѣе страшень злымъ духамъ и, пожалуй не уступитъ стрѣлѣ; теоретически онъ даже равносильнъ съ нею; но въ практическомъ отношеніи стрѣла

того, какъ родился ребенокъ, около юртъ стоятъ сторожевыя *зек*—березки съ протянутыми на нихъ нитками, ленточками или кусками невода, и при видѣ этихъ *зек* ни одинъ бурятъ, ни одна бурятка не войдутъ въ юрту. (Ольховъ, хозяйство и бытъ бурятъ Еланцинскаго и Кутульскаго вѣдомствъ. Составилъ П. Е. Кулаковъ. Зап. Р. Г. О. по отд. статистики, т. VIII, в. I, СПб. 1898, стр. 35).

¹ См. журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей». Т. I, Кіевъ, 1885, стр. 41—50,

² «Юго-западная часть Томской губерніи» (Этнографическій Сборникъ, издаваемый Рус. Геогр. Общ., вып. VI, СПб. 1864, стр. 144).

³ Если человѣка давить кошмаръ, «хара дарна», Халхасцы кладутъ подъ подушку на ночь саблю. (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, стр. 100). О значеніи сабли см. у Ибрагимова, стр. 123.

имѣетъ то преимущество, что ею можно поражать враждебныхъ духовъ на значительномъ разстояніи, а потому она и должна была занять первенствующее мѣсто въ борьбѣ съ злымъ началомъ.

Кромѣ указанныхъ случаевъ стрѣла примѣняется и при другихъ обрядахъ, уже подвергшихся влиянію буддизма. У Дюрбютовъ во время жертвоприношенія огню хозяйинъ, вынувъ мясо изъ котла, колеблетъ имъ въ воздухѣ и читаетъ молитву, держа въ рукѣ «сумынь» (стрѣлу), т. е. палочку съ пятью наконечниками, къ которымъ привязаны «пять цвѣтовъ», т. е. тряпочки пяти цвѣтовъ¹.

Аларскіе буряты во время жертвоприношенія огню ставятъ подлѣ огня ведро со сметаной, въ которое опущена стрѣла (уткэ); эта сметана поѣдается въ теченіе трехъ дней, и во все это время стрѣла остается въ ведрѣ².

Идея устрашенія злого духа какимъ либо символическимъ знакомъ или предметомъ очень распространена и въ наше время. Дюрбюты на двери въ юртѣ вѣшаютъ кость бутѣ чумыкъ, къ которой привязываютъ «бу», деревяшку; въ этой кости, украшенной деревяшкою, находятъ сходство съ человѣкомъ, стрѣляющимъ изъ ружья (ружьё-бу); этотъ снарядъ будто бы отпугиваетъ отъ юрты чыткура³ (духъ, похищающій ребенка).

Исчерпать всѣ случаи, когда пользовались стрѣлой при совершеніи обрядовъ, теперь трудно; но и то, что доступно, не должно быть упущено. У бурятъ, во время общественной облавы на звѣрей, *зэгтэ-аба*, производилась расправа съ виновными, нарушившими правила облавы. Сильно провинившихся устранили отъ дѣлежа добычи или пускали въ нихъ стрѣлы, снявъ острые наконечники, или, наконецъ, ломали надъ преступникомъ стрѣлу, что считалось самымъ позорнымъ наказаніемъ⁴.

И здѣсь стрѣла необходима своимъ устрашающимъ свойствомъ. Это такъ естественно и въ тоже время просто, что становится страннымъ, почему до сихъ поръ никто не далъ этого объясненія.

Н. Веселовскій.

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 90.

² Тамъ же, стр. 91.

³ Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 132. На основѣ этой идеи и наши народъ въ крещенскій сочельникъ изображаетъ или выжигаетъ на притолкѣ дверей крестъ, чтобы отогнать дьявола отъ жилища.

⁴ М. Н. Хангаловъ, «Зэгтэ-аба». Изв. пост.-сиб. отд. Р. Г. О. т. XIX, № 3, Иркутск, 1888, стр. 8.